

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/SYKGZH>
УДК 821'01.0
ББК 83.3(0)3

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЕТА В «ЭКФРАСИСЕ СВ. СОФИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ» ПАВЛА СИЛЕНЦИАРИЯ

© 2023 г. Т.Л. Александрова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 06 июня 2019 г.

Дата одобрения рецензентами: 06 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-82-99>

Аннотация: В статье рассматривается изображение света в поэме Павла Силенциария (VI в.) «Экфрасис св. Софии Константинопольской», написанной по заказу императора Юстиниана в 562 г. по случаю нового освящения церкви. Эта проблема чаще затрагивается с искусствоведческой точки зрения, поскольку в ней подробно описана система освещения в св. Софии, при помощи как естественного, так и искусственного света. Однако изображение света у Павла Силенциария несет и чисто художественную нагрузку. С одной стороны, свет — символ присутствующего в храме Божества; сама осветительная система устроена так, что описание ее перекликается с изображением нисхождения небесного света у Псевдо-Дионисия Ареопагита. С другой стороны, свет символизирует радость, пришедшую на смену печали. Здесь Павел обыгрывает современную ему историческую обстановку и события, вызвавшие написание поэмы: прежние победы Юстиниана и способность императора противостоять невзгодам, которыми отмечен поздний период его правления; обрушение купола Софии в результате землетрясения и его восстановление. Сама дата освящения храма — накануне Рождества — становится поводом для размышлений: за декабрьским убавлением солнечного света следует его новое возрождение. Таким образом, символика света несет в себе идею нового расцвета, который ожидает царство Юстиниана. Сам император в изображении Павла предстает как «король-солнце», призванный светить Востоку и Западу и нести миру Божественный свет Троицы. Поэма заканчивается молением к Богу-Свету о милости. Такая многомерная разработка темы света свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве Павла Силенциария.

Ключевые слова: Павел Силенциарий, «Экфрасис св. Софии Константинопольской», св. София Константинопольская, свет, осветительная система в раннехристианской базилике, Юстиниан, позднеантичная литература, византийская литература, раннехристианская архитектура.

Информация об авторе: Татьяна Львовна Александрова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6963-2263>

E-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

Для цитирования: Александрова Т.Л. Изображение света в «Экфрасисе св. Софии Константинопольской» Павла Силенциария // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 1. С. 82–99. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-82-99>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 1, 2023

THE IMAGE OF LIGHT IN THE “EKPHRASIS OF THE HAGIA SOPHIA” BY PAUL THE SILENTIARY

© 2023, Tatiana L. Aleksandrova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 06, 2019

Approved after reviewing: September 06, 2019

Date of publication: March 25, 2023

Abstract: The paper explores the imagery of light in a poem by Paul the Silentiary (6th century) “Ekphrasis of the Hagia Sophia” (and in an adjoining poem “Ekphrasis of the Ambo”) written by order of the Emperor Justinian in 562 on the occasion of the re-consecration of the Church. This problem is more often touched upon from the point of view of art because of the detailed description of the lighting system in St. Sophia, which uses artificial as well as natural light. But the imagery of light in the poem by Paul the Silentiary bears a purely artistic load as well. On the one hand, the light symbolize the presence of the Deity in the Temple; the lighting system itself is arranged so that its description echoes the image of the descent of heavenly light in Pseudo-Dionysius Areopagite. On the other hand, the light symbolizes joy that comes to replace sadness. Here Paul alludes to contemporary historic atmosphere and the events that inspired the writing of the poem: the earlier victories of Justinian and the ability of the emperor to resist adversity that marked the late period of his reign; the collapse of the dome in the earthquake and its recovery. The date of re-consecration committed on Christmas Eve becomes an occasion for thinking: after the December decrease sunlight should be his new revival. Thus, the symbolism of light carries the idea of a new flourishing, which awaits the Kingdom of Justinian. The emperor himself in the description of Paul appears as the “Sun King,” who shines to the East and the West and bear to the world the divine light of the Trinity. The poem ends with a supplication to God — the Light — to donate His grace to the emperor, the city and its citizens. Such a multi-dimensional approach indicates the high poetic skill of Paul the Silentiary.

Keywords: Paul the Silentiary, Ekphrasis of the Hagia Sophia, the Hagia Sophia, Constantinople, light, lighting system in early Christian basilica, Justinian, late ancient literature, Byzantine literature.

Information about the author: Tatiana L. Aleksandrova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6963-2263>

E-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

For citation: Aleksandrova, T.L. “The Image of Light in the ‘Ekphrasis of the Hagia Sophia’ by Paul the Silentiary.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 1, 2023, pp. 82–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-82-99>

Исследователи не раз отмечали, что значительная часть «Экфрасиса св. Софии», написанного Павлом Силенциарием на второе освящение храма (в 562 г.), посвящена описанию осветительной системы храма. Л. Теис называет цифру 115 строк [8, р. 57], очевидно имея в виду отдельный пассаж Paul. Descr. Soph. 806–820, однако помимо него в поэме встречаются также разрозненные ремарки, касающиеся освещения церкви в разное время суток. Р. Макридес и П. Магдалино считают, что столь подробное описание, возможно, связано с тем, что осветительная система пострадала во время обрушения купола в 558 г. и была восстановлена [5, р. 72]. Такое объяснение вполне правдоподобно, хотя представляется, что оно недостаточно.

Конечно, в архитектуре раннехристианского храма освещение играло огромную роль. Именно свет моделировал священное пространство и акцентировал наиболее важные детали интерьера, восприятие которого в значительной мере зависело от освещения. Богословское объяснение символики света опиралось на Евангелие (например, Ин. 8: 12), а впоследствии было развито Евагрием Понтийским, Псевдо-Дионисием Ареопагитом и др. [8, р. 53] с учетом неоплатонической эстетики [3, р. 301; 2, р. 375]. Поскольку сам император Юстиниан был незаурядным богословом, можно предположить, что богословский замысел Софии в значительной мере был разработан им самим и приведен в исполнение строителями храма: Анфемием из Тралл (который, помимо всего прочего, написал трактат о зеркалах и, несомненно, учитывал этот опыт при строительстве Софии, обыгрывая сочетание золотой стеклянной мозаики и естественного света [3, р. 310]) и Исидором из Милета.

Павел Силенциарий, насколько можно судить его по дошедшим до нас сочинениям — эпиграммам и двуединому экфрасису Софии и амвона

в ней, — богословом не был и богословием даже не слишком интересовался. Тем не менее, работая по заказу самого императора, он следовал установкам последнего, осуществляя перенос архитектурных идей на язык поэзии. Как отмечают исследователи, отличие «Экфрасиса» Павла от более ранних сочинений подобного рода в том, что «Павел поистине пытается воспроизвести в словах особый опыт архитектуры» [4, р. 577].

Главным источником освещения в христианском храме был купол [8, р. 54]. Свет, проникавший сквозь прорезанные в барабане окна, создавал ощущение его бесплотности: купол казался подвешенным на цепи или подерживаемым рукой Самого Бога. Именно так описывает его и Павел:

Купол возносится ввысь, повиснув на воздухе зыбком,
Круглый, как будто вращается он и видом подобен 490
Светлому небу (φαῖδρὸς οὐρανός), — вот так небосвод покрывает всю землю¹
[13, с. 518; 14, р. 33].

В разных местах описываются и другие окна:

А в полусфере вокруг опоры пятью по восемь
Соорудили апсид и окон в них благосветлых (δοχῆια φωτός), 510
Через которые свет нежнокудрой Зари проникает [13, с. 519; 14, р. 35].

Или:

Крепкие стены стоят и тянутся до основанья 535
Шарообразного свода, где светят дважды четыре
Дверцы, исполненных света [13, с. 519; 14, р. 37].

Через окна в куполе и в стенах свет проникает в основной объем храма и отражается стенами и светлым полом:

Пол обширный покрыт скалой проконесской единой,
Что преклонила охотно хребет для всевластной царицы. 665

¹ Здесь и далее перевод мой. — Т.А.; опубликован в «Вестнике древней истории»: [13, с. 502–539]; здесь указываю также страницы греческого оригинала.

И как Боспорская гладь дрожит переливчатым светом,
Так, подобно волне, серебристый мрамор темнеет.
Златоукрашенный свод искрится мелкой мусией
И наполняет чертог сияньем ее золотистым.
Скачущий луч, попадая в глаза, слепит нестерпимо. 670
Скажешь: то сам Фэзтон явился порою весенней
И в полуденный час золотит окрестные скалы [13, с. 522; 14, р. 45].

Светом как будто пронизан сам мрамор, облицовывающий стены:

Стены из гладкого камня украшены с дивным искусством, 605
Так и блистают кругом. Проконеса приморского мрамор
Весь покрывает чертог [13, с. 521; 14, р. 41].

Или (в «Экфрасисе амвона»):

Цвет красноватый и белый внутри завит, чередуясь, 270
Попеременно они в причудливом слиты круженье,
Вьются, и гнутся, и каждый зигзаг повторяют совместно.
Там — отметина в виде луны, тут — будто бы звезды,
Видишь, как будто они в породе впечатаны камня [13, с. 537; 14, р. 86–87].

Мрамор, как и серебро, называется у Павла словом μέταλλον, что как будто словесно прибавляет ему блеска.

Блеск золота, серебра и драгоценных камней также подчеркивается неоднократно:

Плиты блестят серебра, но даже сами колонны
Все целиком броней серебряной скрыты надежно
И испускают лучи, сверкая, — всего их двенадцать 690
[13, с. 523; 14, р. 47].

Или:

...Чашы из серебра. И каждая чаша — подсвечник.
Свечи стоят в ней, как будто из воска, но пламени нет в них.
Света они не несут, красоты лишь поставлены ради².
Закруглены они гладко, в металл блестящий одеты.
Свет отражает и он, лишь только огня не имеет, 750
Блеск серебро источает, а вовсе не пламя над воском.
А на столпах золотых золотой престол утвердился,
На золотом основанье столешница — диво для взоров.
И драгоценных камней многоцветное видно блистанье
[13, с. 525; 14, р. 51–52].

Драгоценными металлами украшена надпрестольная сень:

А над престолом златым, всепречистым, воздвигнута башня 720
Ввысь уходящая, в воздух просторный, красы несказанной.
Встала она на клетях серебряных четверостворных,
Утверждена на столпах четырех серебряных, сверху ж
Четырехскатная клеть на серебряных ножках подъята [13, с. 524; 14, р. 49].

Золотом сверкают и шитые завесы престола:

Вот, на завесе одной лик Христов показан священный,
Изображен не рукой многотрудной, к работе привычной, 765
И не резцом, не иглой, что по ткани вольно блуждает,
Нет, но катушками выткано с нитью на них многоцветной,
Нитью причудливо свитой, что варварский червь³ испускает.
А золотое сиянье лучей розолокотной Эос
Все облаченье божественных членов собой пронизало. 770
<...>

Стола золотая сверкает, как пламя: ведь в ней, пестротканной,
Нить золотая надета на тонкую нить основанья —
Полая нить, отверстие внутри у ней, точно у флейты,

2 Имеются в виду искусственные свечи, какие нередко ставились в кивориях.

3 Гусеница тутового шелкопряда.

Пленица, прикреплена она к ткани и крепко пришита
 Острой иглой и тонкою нитью сирийского шелка 785
 [13, с. 525; 14, р. 51–53].

Особое внимание уделяется описанию системы искусственного освещения. Под куполом, на карнизе, отделяющем его от пространства основного храма [1, с. 287], по кругу были расставлены светильники, которые зажигал священосец:

...Каймой нависает 485
 Каменный выступ, — на нем тропа проложена сверху:
 Узко очерченный путь, где муж-священосец проходит,
 В неколебимой руке неся святые лампы [13, с. 518; 14, р. 33].

Вся система описывается в подробностях. Правда, по одному словесному описанию ее устройство до конца не понятно, однако археологические находки подтверждают реалистичность изображения: остатки этой системы сохранились в Софии до сих пор [8, р. 59]. Она включала в себя подвесные цепи, на которых крепились стеклянные лампы:

Блеском (ἀγλαΐη) чертог весь одет, всему в нем станешь дивиться,
 Все, очами узрев, восхитишься, но будет бессильно
 Слово воспеть красоту вечернюю. Скажешь, пожалуй:
 Это ночной Фаэтон озаряет светом чертоги.
 То многомудрая мысль моих царей усмотрела, 810
 Как по уступам пустить ступенчатым сети сплетенья
 Длинные, отягощенные медью. От сводов высоких
 Вниз сбегают они, до основанья чертога.
 Так, спускаясь путем извилистым с самого верха,
 Все устремляются долу, все ниже и ниже, как будто 815
 Скоро достигнут земли, но прежде, чем пола коснутся,
 Вновь возвращаются ввысь и ровный круг составляют.
 Как в хороводе, кружатся они, бегут вереницей [13, с. 526; 14, р. 55].

Ранее поэт уже говорил, что сам купол как будто вращается (Paul. Descr. Soph., 490, см. выше), теперь он дополняет картину. «О продуманности и разработанности замысла, — пишет. А.М. Лидов, — свидетельствует устройство “хороса” — огромного круглого светильника-паникадила, висевшего под куполом и создававшего при помощи горящих лампад круг вращающегося света, вторившего также вращающемуся кругу из 40 световых окон в основании купола» [1, с. 286].

Помимо лампад к цепям крепились и металлические диски, отражавшие свет:

Диски из серебра венец украшают воздушный,
Что под высокими сводами храма повис посредине. 820
Цепи иные, от вышних путей отклонившись, свисают
Над головами людей, круги собой образуя.
Муж многомудрый их все резцом прорезал железным,
Чтоб из стекла, закаленного в пламени, вставить сосуды
В цепи и чтобы они висели над головами, 825
Свет принимая ночной (φέγγεος ἐννυχίοιο δοχῆϊον), и чтобы не дисками только
Он отражался, сияя... [13, с. 525; 14, р. 56]

Можно заметить, что описание подвесной системы освещения, спускающейся сверху вниз и увешанной не только светильниками, но и серебряными зеркалами, прямо соотносится с описанием небесной иерархии у Псевдо-Дионисия Ареопагита: «Таким образом, цель иерархии — уподобление по мере возможности Богу и соединение с Ним, Его имея Наставником во всяком священном художестве и действии, неуклонно взирая на Его божественнейшее благолепие и становясь, насколько хватает сил, Его оттиском и делая участников своих хороводов божественными подобиями, прозрачайшими и незагрязненными зеркалами, приемлющими в себя лучи Светоначала и Богоначала, священно наполняемыми даруемым светом и затем обильно в других им воссиявающими, по законам Богоначала» (Cael. hier. 3, 2 [12, с. 71]).

Помимо круглого хороса в освещении церкви использовались крепстообразные поликандила [6, р. 90]:

...Но также увидишь средь круга
 Образ великий креста, сверкающий многоочито.
 К кругу примкнул он, просверлен отверстиями, в них же крепится
 Множество светлых лампад. И так из огней благосветлых 830
 Словно идет хоровод по кругу. Скажешь, пожалуй:
 «Это на небе Арктур сияет и кольца Дракона
 Вместе с небесным Венцом, поражая смертные взоры».
 Так по обширному храму вечерний свет (ἑσπερίῃ φλόξ) пробегает,
 Весь отражаясь в блистанье. И тут же меньший в размере 835
 Круг ты увидишь, венец второй, освещающий своды.
 В центре чертога еще один круг укреплен благосветлый,
 Что отражает лучи. Так тьма убегает в испуге [13, с. 524–525; 14, р. 57].

Имелись в Софии и стоячие подсвечники с одной лампадой:

Возле колонн галереи с обеих сторон ты увидишь:
 Однолампадных подсвечников ряд, поставленных плотно, 840
 Близко один от другого, по всей длине протянулся
 Храма обширного. Каждый подсвечник увенчан сосудом
 Из серебра, уплощенным, как чаши весов, и лампада
 В каждом стоит, до краев налита благосветлым елеем.
 Но не только внизу, на полу светильники светят.
 Много увидишь других, висящих то выше, то ниже,
 Тихо колеблясь. К цепям они крепятся и заливают
 Сладостным светом чертог, на путях блистая воздушных.
 Так двухвершинных Гиад сиянье на небе светит (σελάγισμα φαείνει),
 Прямо в созвездье Тельца, половину его занимая 850
 [13, с. 527; 14, р. 58].

Кроме того, использовались фигурные лампы в виде кораблей (что переключается с символикой самого храма, понимаемого как ковчег спасения):

Множество там кораблей ты увидишь серебряных. Груз свой
 Светопримный несут на борту они и проплывают,

Точно по морю, по воздуху, путь совершая в пространстве,
И ни Боот им поздний не страшен, ни веянье Нота.
А в основание, в пол железные вделаны копья, 855
Груз они над собой перекладин держат двухчастных.
Рати священные храма смотрителей, вооружившись
Рдяными кольями, светочи их возжигают прилежно.
Те — внизу, у преграды, где стройные встали колонны,
На основаниях крепких, другие — поверх капителей. 860
Там разбежались они привольно вдоль стен галереи,
Чтоб не остались ни стены во тьме, ни высокие своды.
С каменных верхних уступов подвешен обод округлый.
Установил там лампы на медных прочных крепленях
Муж посвященный, и так озаряются стены и купол. 865
Так, словно деву-царевну когда облачают в убранство
И ожерельями нежную шею ее обвивают,
Так что идет от них блеск золотой и сверкает, как пламя,
— Так же и мой скиптродержец обвил апсиды цепочкой
Светочей ясных, по выступам стен их пустив круговидно. 870
А на колоннах серебряных, сверху, над выступом арки,
Узкой и длинной тропой протянулся путь пешеходный...

[13, с. 527; 14, р. 58–59]

Описывается также огромное паникадило в виде дерева или даже целой древесной рощи. Его реконструкция приводится в статье С. Ксидиса [11, fig. 30].

Светочи тут же вблизи на высших точках сияют,
Словно бы выросло дерево, сосне подобное горной,
Или как будто стоит кипарис, с листвою нежнокудрой. 875
Остроконечна вершина его, а ниже кругами
Чуть расширяется крона, пока наконец не коснется
Верхнего обода, и вокруг ствола спускается к полу.
Огненный цвет расцветает на нем, а вместо корней
У огненосных древес в основанье огромные чаши 880
Из серебра. Посреди ж нежнокудрой рощи древесной

Образ нетленный креста для смертных путь освещает.
 Словно глазки, сверкают на нем блестящие гвозди.
 Так многовидный чертог освещают тысячи разных
 Светочей, что на цепях его кругом обвивают. 885
 Те поднимаются вверх, к галереям, те посредине,
 Те — на юг и на запад глядят, а те — с капителей.
 Молнией пламя сверкает на них, и светлую стала
 Ночь, уподобившись красками всеми дня многоцветью
 [13, с. 528; 14, р. 59–60].

При всей подробности и достоверности описания реальных особенностей храмовой архитектуры (ср. у Прокопия, аед. 1, 53–55), сочинение Павла не искусствоведческий комментарий к архитектурным идеям Софии, а самостоятельное художественное произведение, призванное не только истолковать символическое значение деталей постройки, но и увековечить в слове всю деятельность Юстиниана, который прославляется как главный строитель Софии. Таким образом, помимо изобразительного плана, в поэме Павла есть и план символический.

Как уже было сказано, для большинства верующих освещение играло не просто физическую роль, но символизировало присутствие Бога [3, р. 300]. Свет, наполняющий Софию, — это также и метафора Бога, обитающего в храме. Едва ли случайно Павел называет Богородицу «Приемницей света» (φέγγεος ἀενάοιο δοχήϊον) — используя то же слово, что и для окон (δοχήϊα φωτός):

Ну а с другой стороны Христа Пречистую Матерь
 Изобразило искусство, Приемницу вечного света, 710
 Ту, что на лоне святом вскормила Создателя лона [13, с. 523; 14, р. 48].

Свет, присутствие которого подчеркивается повсюду, — зримый образ божества.

Однако и этим содержание поэмы не исчерпывается. Свет у Павла символизирует радость. Обращаясь к Юстиниану, поэт говорит:

Будь благосклонен к словам, земли великий властитель!
Словом благим твоего позволь коснуться мне слуха,
Хоть ненадолго! Ведь радость твоих свершений великих 180
Жало печали в летейских водах навек потопила.
Так и солнечный свет после ночи ненастной отрадней
Путнику будет узреть, и на море затишье благое
Сердце врачует пловцов, повывавших бурю и волны [13, с. 511; 14, р. 11].

Самым непосредственным поводом для печали, охватившей всю столицу, было обрушение купола Софии в мае 558 г. в результате предшествующего землетрясения:

Ибо с тех пор, как обрушился храм, царей созиданье, 176
Скорбь неизбежная градом владела... [13, с. 511; 14, р. 11]

Само обрушение купола описывается как победа тьмы над светом:

И восстала земля неумолчно, и пыль, восклубившись, 190
Встала до самых небес, смешавшись с серою тучей.
Разом полуденный блеск затмился, и тьма подступила [13, с. 512; 14, р. 12].

Среди всеобщего горя лишь один Юстиниан не теряет самообладания:

Только лишь мой скиптродержец, услышав скорбные вести,
Не помрачился умом, не поддался наветам бессилья, 215
Не был окован тогда цепями грусти тяжелой,
Разом исторг из души печали жало минутной
И поскорей вдохновил на труды строителей новых [13, с. 512; 14, р. 13].

Труды его увенчались успехом, и в городе началось многодневное празднество:

Створы небесных врат ключами отверз скиптродержец,
 Вождь авзонийский и, праздник устроив, своим мановеньем
 Всех от забот свободив, веселье широкое начал 175
 [13, с. 511; 14, р. 11].

Освящение храма происходило в конце декабря – начале января, в период зимнего солнцестояния, за которым должно начаться прибавление дня. Этот факт Павел также истолковывает символически:

Уж притупившийся серп отдыхал от срезанных гроздьев 315
 И ожидал на покое снопов грядущего лета.
 Гелиос, вожжи держа, оставил Нота пределы
 И проезжал по студеным полям козы рыбохвостной⁴,
 Уж миновал метателя стрел⁵ печальную область.
 Рано рожденная вышла тогда почтенная Эос, 320
 С громом врата отворив бессмертного нового храма,
 Внутри войти приглашая народ и с ним — господина.
 Темная ночь уж слабела, а свет дневной укреплялся.
 Истинно: так же, когда достроен был храм величайший,
 Ночь страданий ушла и радости свет воссиял нам 325
 [13, с. 514; 14, р. 322].

Нельзя не заметить гиперболизации в изображении фигуры императора. Юстиниан — подлинный «король-солнце» (хотя такого словосочетания Павел не знает⁶), скорее полубог, чем человек, посредник между Богом и людьми, отверзающий ключами створы небесных врат (Paul. Descr. Soph. 173), собеседник стихий и персонифицированного Нового Рима (Paul. Descr. Soph. 219–254). В конце поэмы поэт обращает к императору призыв:

4 Созвездие Козерога.

5 Созвездие Стрельца.

6 О том, что представление об императоре как о солнце было в принципе характерно для византийской имперской идеологии, см.: [7, р. 83].

О, скиптродержец! Живи и пребудь на многие лета, 921
Светом Востоку и Западу стань (ἐς φάος ἐστέριόν τε καὶ ὄρθριον)!
Тебе, многопетый,
Эос и Геспер заботы свои всегда поверяют,
Гаваней тихих лазурная гладь ответствует миром [13, с. 529; 14, р. 63].

Здесь нельзя забывать, что экфрасис Павла — в то же время и энкомий императору [9, р. 13–16; 2, р. 370, 374–375]. Однако при всей энкомиастической пышности обращенная к Юстиниану поэма содержит в себе гораздо более камерное и человеческое утешение, адресованное императору, хотя и оно под пером поэта становится мощным оружием имперской пропаганды. Дело в том, что реалии последних лет его правления были совсем не так радужны, как это изображает Павел. Победы и достижения, упоминаемые Павлом в ямбическом вступлении, остались в далеком прошлом:

Куда ни глянь: на Запад обращаешь взор —
До Океана власть твоя расширилась,
Хоть беги всю землю. На Восток взгляни —
Не всех ли победил врагов в сраженьях ты,
Иль упредил их раньше, чем пришли они? 15
И разве не поработил ты Ливию?
В болезнях тяжких обретаешь здравие,
Когда уж нет надежды. Так должно и быть!
С угрозой тайной ты, державный, справишься,
Хранимый не щитами и не копьями: 20
Самой десницей Божьей ограждаемый [13, с. 507; 14, р. 1–2].

Речь здесь идет об успехах в италийской войне, относящихся в основном к 530-м гг., победе над вандалами также в 530-е гг., о выздоровлении Юстиниана от чумы в 542 г. С тех пор чума уже 20 лет кружила по империи, возвращаясь вновь и опустошая целые поселения. Пугающим изменением стихий было и зримое убывание солнечного света: после отмеченного Прокопием Кесарийским (bell. 4, 14, 5–6) природного явления 536/537 г., когда солнце светило, как луна, почти без лучей, климат изменился, наступил период похолодания. Все это заставляло жителей империи ожидать скорого конца света.

Недавним успехом можно было бы считать только преодоление «тайной угрозы», хотя тот факт, что на власть Юстиниана уже который раз продолжали покушаться недовольные, скорее говорил о неуспехе его политики. Незадолго до второго освящения Софии «десница Божия» очередной раз спасла Юстиниана: был раскрыт заговор, в причастности к которому был обвинен и великий соратник императора Велисарий, поскольку среди заговорщиков оказались его слуги [10, р. 215–228]. Подчеркивая милосердие Юстиниана, Павел, возможно, ходатайствует за обвиненного полководца.

«Король-солнце», подобно земному солнцу и подобно Богу, изливает лучи милости и на заговорщиков:

Не на Творца ли Бога ополчается,
 Тот, кто царю не рукоплещет этому, 55
 Столь кроткому, благому, с равным тщанием
 Творящему добро врагам и недругам? [13, с. 507; 14, р. 3]

Далее Павел затрагивает, по-видимому, самую чувствительную струну души императора, вспоминая его незабвенную спутницу, Феодору:

Твое спасенье, о державный, — в милости,
 Она внушает к Богу дерзновение 60
 Душе царицы, отошедшей к вечности,
 Всемудрой, благородной и прекраснейшей,
 В которой ты благою соработницу
 Имел, пока жила, а по отшествии
 Она нам стала клятвой нерушимой,
 Какой вовеки не преступишь волею [13, с. 508; 14, р. 3–4].

В храме, символизирующем мироздание, среди нисходящего из горней выси и многократно отраженного в священном пространстве божественного блеска, в славе своих деяний нетленно пребывают они оба, Юстиниан и Феодора, как будто она не умирала:

Множество славных строений великих царей-градодержцев:
 Там ты увидишь приюты больных, дома исцелений,

Там и священные стены, чудес обитель небесных, 800
Где благодать от Христа изливается мощным потоком.
А на покровах других царя с царицей увидишь,
Там протянула Мария Сама к ним длани благие,
Тут – Христос простирает к ним руки...

[13, с. 526; 14, р. 55–56]

Настоящее для Юстиниана – время скорби, пора предельного убывания света. Однако император превозмогает судьбу и зловещую «зависть» и воссоздает этот наполненный светом храм-космос, освящая его в дни зимнего солнцеворота. Дальше не только в природе, но и в жизни империи должно начаться прибавление света.

В конце второй части, «Экфрасиса амвона», поэт вновь прославляет Юстиниана и обращается с молитвой к Богу-Свету:

Вот какие труды совершил скиптродержец мой щедрый,
Бога-Царя прославляя. Ко всем дарам венценосным
Он приложил и сиятельный мир свой градодержавный,
Храм осенив многопетый, чтоб с Божией волей согласно 300
Одушевленный сей дар вручить Украсителю мира,
Дар Христу-Всецарю. Ты же милостив, милостив буди,
Троицы чистой сиятельный Свет, и к городу Риму,
И к населяющим град, и к вождю, и к дивному храму! [13, с. 538; 14, р. 88]

Круг замыкается: «король-солнце» очередной раз побеждает, своими деяниями иерархически служа проводником и отражением вечного Божественного света, зримо явленного в архитектуре грандиозного храма.

Сокращения:

aed. – Procopius. De aedificiis
Cael. hier. – Dionysius Areopagita. De caelesti hierarchia
Paul. Descr. Soph. – Paulus Silentarius. Descriptio Sophiae
Paul. Descr. Amb. – Paulus Silentarius. Descriptio ambonis

Список литературы**Исследования**

- 1 *Лидов А.М.* Сияющий диск и вращающийся храм. Икона света в византийской культуре // Византийский временник. 2013. Т. 72 (97). С. 277–292.
- 2 *Agosti G.* Greek poetry // The Oxford Handbook of Late Antiquity / ed. S. Johnson. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 361–405.
- 3 *Dell Aqua F.* Glass and natural light in the shaping of sacred space in the latin West and in the Byzantine East / ред. А.М. Лидов // Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 299–324.
- 4 *Fletcher I., Carne-Ross D.-S.* Ekphrasis. Lights in Santa Sophia. From Paul the Silentiary // Arion. 1965. Vol. IV, № 4. P. 563–581.
- 5 *Macrides R., Magdalino P.* The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // Byzantine And Modern Greek Studies. 1988. № 12. P. 47–82.
- 6 *Mango C.* The Art of the Byzantine Empire (312–1453). Toronto; London: University of Toronto Press in association with the Medieval Academy of America, 1986. 272 p.
- 7 *Parani M.* "Rise like the sun, the God-inspired kingship". Light Symbolism and the Uses of Light in the Middle and Late Byzantine imperial Ceremonial / ред. А.М. Лидов // Огонь и свет в сакральном пространстве. Материалы междунар. симпозиума. М.: Индрик, 2011. С. 81–84.
- 8 *Theis L.* Architektur und liturgische Ausstattung byzantinischer Kirchen // Byzants Das Licht aus den Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4 bis 15 Jahrhundert. Mainz: Philip von Zabern, 2001. S. 19–28.
- 9 *Viljamaa T.* Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period (Commentationes Humanarum Litterarum, 42:4). Helsinki: Finnish Academy, 1968. 156 p.
- 10 *Whitby M.* The Occasion of Paul the Silentiary's Ekphrasis of S. Sophia // The Classical Quarterly, New Series. 1985. Vol. 35, № 1. P. 215–228.
- 11 *Xydis S.* The Chancel Barrier, Solea and the Ambo of Hagia Sophia // The Art Bulletin. 1947. Vol. 28, № 1. P. 1–24.

Источники

- 12 *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. 854 с.
- 13 *Павел Силенциарий.* Экфрасис Святой Софии. Экфрасис амвона // Вестник древней истории. 2019. № 79/2. С. 502–539.
- 14 *Paulus Silentiarius.* Descriptio Sanctae Sophiae. Descriptio Ambonis / ed. C. de Stephani. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2011. XLVIII, 164 p.

References

- 1 Lidov, A.M. "Siiaiushchii disk i vrashchaiushchiisia khram. Ikona sveta v vizantiiskoi kul'ture" ["A Shining Disk and a Rotating Temple. Icon of Light in Byzantine Culture"]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 72 (97), 2013, pp. 277–292. (In Russ.)
- 2 Agosti, Gianfranco. "Greek Poetry." Johnson, Scott, editor. *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 361–405. (In English)
- 3 Dell Aqua, Francesca. "Glass and Natural Light in the Shaping of Sacred Space in the Latin West and in the Byzantine East," ed. by A.V. Lidov. *Ierotopiia: sozдание sakral'nykh prostranstv v Vizantii i drevnei Rusi* [*Hierotopia: The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Ancient Rus*']. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 299–324. (In English)
- 4 Fletcher, Ian, and Donald Carne-Ross. "Ekphrasis. Lights in Santa Sophia. From Paul the Silentiary." *Arion*, vol. IV, no. 4, 1965, pp. 563–581. (In English)
- 5 Macrides, Ruth, and Paul Magdalino. "The Architecture of Ekphrasis: Construction and Context of Paul the Silentiary's Poem on Hagia Sophia." *Byzantine and Modern Greek Studies*, no. 12, 1988, pp. 47–82. (In English)
- 6 Mango, Cyril. *The Art of the Byzantine Empire (312–1453)*. Toronto, London, University of Toronto Press in association with the Medieval Academy of America, 1986. 272 p. (In English)
- 7 Parani, Maria. "'Rise like the sun, the God-inspired kingship.' Light Symbolism and the Uses of Light in the Middle and Late Byzantine Imperial Ceremonial," ed. by A.M. Lidov. *Ogon' i svet v sakral'nom prostranstve. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [*Fire and Light in Sacred Space. Materials of the International Symposium*]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 81–84. (In English)
- 8 Theis, Lioba. "Architektur und liturgische Ausstattung byzantinischer Kirchen." *Byzants Das Licht aus den Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4 bis 15 Jahrhundert*. Mainz, Philip von Zabern, 2001, pp. 19–28. (In German)
- 9 Viljamaa, Toivo. *Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period*. Helsinki, Finnish Academy, 1968. 156 p. (In English)
- 10 Whitby, Mary. "The Occasion of Paul the Silentiary's Ekphrasis of S. Sophia." *The Classical Quarterly, New Series*, vol. 35, no. 1, 1985, pp. 215–228. (In English)
- 11 Xydis, Stephen. "The Chancel Barrier, Solea and the Ambo of Hagia Sophia." *The Art Bulletin*, vol. 28, no. 1, 1947, pp. 1–24. (In English)